

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ВСПЛЕСКА УЙГУРСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА И СЕПАРАТИЗМА В СУАР КНР В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Рассматриваются основные причины всплеска уйгурского этнического национализма и сепаратизма в конце XX – начале XXI в. в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Как следствие, положено начало продолжающемуся противостоянию уйгуров, с одной стороны, и этнических китайцев, официальных властей КНР – с другой. Сопротивление уйгуров приобрело качественно новый характер, обусловленный вступлением в игру новых конфликтотенных факторов.

Ключевые слова: уйгурский национализм; сепаратизм; СУАР; религиозный экстремизм.

Возникновение в Центральной Азии с распадом СССР нескольких новых государств (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан) и параллельный рост исламистских, националистических и пантюрнистских настроений в Центрально-Азиатском регионе во многом обусловили новый всплеск этнического национализма и возрождение идей сепаратизма в крупнейшем регионе КНР – Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР).

В конце XX – начале XXI в. там начался очередной виток противостояния уйгуров (с которыми обычно связывается этнический национализм и сепаратизм в СУАР) с китайскими властями. Дело в том, что оставались нерешенными «традиционные», «старые» проблемы взаимоотношений уйгуров и ханьцев, ставшие благодатной почвой для очередного всплеска уйгурского этнического национализма и сепаратизма в СУАР. Однако не стоит говорить только об обострении давних противоречий между уйгурами и этническими китайцами (ханьцами). Ситуация осложнилась появлением новых, исторически нетрадиционных для данного противостояния трендов. Таковыми являются усиление влияния радикального ислама и широкая террористическая активность, ставшая чуть ли не основным средством борьбы радикалов против «неверных» (т.е. ханьцев, властей, КПК). Основными проводниками новых трендов стали уйгурские национальные и международные террористические организации. В результате идеи уйгурского этнического национализма и сепаратизма в значительной степени срослись с радикальным исламом, а сопротивление китайским властям стало куда более мощным и организованным. Наличие в соседних странах (Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане) крупных уйгурских общин (насчитывающих от 300 до 500 тыс. чел.) [1] и факт того, насколько уйгуры за пределами Китая поддерживают идеи этнического национализма, создания единого исламского государства и радикального ислама, стали актуальной проблемой безопасности не только для КНР, но и для данных государств.

Несомненно, новый виток противостояния уйгуров и китайских властей снова выделил уйгурский этнический национализм и сепаратизм как актуальную проблему безопасности. При этом необходимо учитывать и то, какое значение для КНР уже приобрел СУАР. Синьцзян – это отдаленный пограничный район, значительный по площади, в общей численности населения которого достаточно большую долю зани-

мают неханьские народы (62,05%) [2]. Его пограничное положение обеспечивает защиту остального Китая от угроз из беспокойных районов Центральной Азии и открывает на западе страны кратчайший путь во внешний мир, например в Южную Азию и к Индийскому океану. Кроме того, в свете обеспеченности данной территории природными ресурсами и больших экономических перспектив, особенно учитывая возрастающие темпы китайской экономики, экономическая ценность СУАР просто громадна. С учетом этого необходимость сохранять стабильность и подконтрольность Пекину стала приоритетом политики правительства в регионе. Однако рост уйгурского этнического национализма и популярности идей сепаратизма стал основным вызовом центральному правительству.

Так что же обусловило новый всплеск этнического национализма и сепаратистских устремлений уйгуров на рубеже веков?

Как уже было сказано, «старые» противоречия остаются нерешенными. Это факторы, лежащие в основе недовольства уйгуров политикой властей и межнациональной напряженности с ханьцами и до сих пор (2016 г.) сохраняющие актуальность. Собственно, данный комплекс факторов в значительной мере представляет собой следствия ошибочных шагов или намеренные ходы властей в процессе осуществления политики по отношению к СУАР. Кроме того, свою роль играет местная социально-экономическая и религиозная специфика.

Во-первых, это неуклонное изменение национального состава СУАР в пользу ханьцев. Согласно статистике население этого наиболее крупного национального образования в составе КНР представлено 47 национальностями, самыми многочисленными из которых являются уйгуры (46,2%) и этнические китайцы (ханьцы) (38,9%) [3]. За время, прошедшее с момента образования в составе КНР СУАР (1955 г.), параллельно с ростом общей численности населения заметно изменилась и его этническая карта. Основной причиной этнического дисбаланса является скачкообразная миграция ханьцев. Значительное усиление темпов их миграции в отдельные временные периоды в СУАР привело к тому, что данная этническая группа постепенно стала одной из самых больших. В перспективе, с учетом неуклонного увеличения доли ханьцев в населении Синьцзяна, данная этническая группа может стать крупнейшей. Сейчас рост числен-

ности ханьцев является тенденцией, ярче всего выраженной в городах и крупных поселках, так как ханьцы в основном не расселены в сельской местности. Уйгуры же, хотя и проживающие повсеместно, не образуют единой структуры даже в населении своих национальных административно-территориальных единиц в составе СУАР. Кроме того, численность крупных неханьских народов, тех же уйгуров, которые отражены в названии региона, понемногу стала сокращаться, что продолжается до сегодняшнего дня, хотя и остается весьма значительной [4]. Свою роль, кроме естественной убыли населения, играет и миграция (внешняя и внутренняя), особенно среди молодежи.

Миграцию же ханьцев в СУАР можно охарактеризовать весьма неоднозначно. С одной стороны, это чисто экономическое и социальное явление. Недостаток квалифицированной рабочей силы заметно тормозил осуществление социально-экономических преобразований и ход начавшейся на рубеже веков масштабной программы «Большого освоения Запада» в целом. Местные трудовые ресурсы удовлетворяли потребности в квалифицированных специалистах лишь частично. А собственные возможности СУАР по подготовке достаточного количества национальных кадров сравнительно ничтожны. К слову, работа в этом направлении ведется давно, потому что подготовка корпуса национальных кадров рассматривается как одна из мер национальной политики в Синьцзяне [5]. Хотя уйгуры больше других неханьских народов представлены в местных органах власти и управления, среди технических кадров и интеллектуальной элиты их доля значительно меньше [4].

Таким образом, интенсификация развития промышленности и инфраструктуры СУАР закономерно предполагает увеличение количества ханьцев, составляющих большую часть квалифицированных ИТР и рабочих. К тому же направление потока избыточных трудовых ресурсов на запад страны позволяет сбалансировать рынок труда в КНР, «разгрузить» центральные и восточные районы. То есть с экономической точки зрения миграция ханьцев оправдана.

С другой стороны, рассеянные, как уже было сказано, уйгуры намеренно еще больше «разбавлены» анклавами компактного проживания как ханьцев, так и других неханьских народов. Это выражено еще и в том, что уйгурские административные единицы в составе СУАР также не формируют единой монолитной структуры. Такие условия не позволяют уйгурам объединиться на местах в мощную социальную силу, подобно ханьцам, для противостояния властям. Кроме того, большинство ключевых постов на местах находятся в руках ханьцев. Именно ханьцы формируют основную часть элиты и интеллигенции Синьцзяна, в то время как большинство уйгуров находятся внизу социальной лестницы [4]. Нельзя также забывать и об упомянутой убыли уйгурского и неханьского населения вообще. Судя по всему, продолжавшееся неоднократное перекраивание карты СУАР вместе с интенсивной миграцией ханьцев и тенденцией к заселению ими всей территории региона преследуют следующие цели: снижение градуса межэтнической напряженно-

сти и постепенную ассимиляцию народов региона с созданием в будущем «единой китайской нации».

Во-вторых, это низкий уровень жизни неханьских народов СУАР; высокий уровень региональной дифференциации; преимущественно сырьевая направленность экономики региона. По статистике, в центральных и западных провинциях КНР сосредоточено 90% всех бедных уездов и 80% бедного населения, преимущественно неханьского [6. Р. 138]. Разрыв в уровне развития западных и центральных, восточных регионов по-прежнему довольно большой. Понятно, что кроме очевидных экономических последствий такого разрыва имеют место социальные последствия, включающие и благоприятные условия для «социальных взрывов» и роста этнического национализма и сепаратизма. Однако данные проблемные факторы скорее являются следствиями особенностей местной традиционной аграрной системы хозяйствования и сырьевой направленности экономики; относительной географической удаленности региона; несовершенной структурой государственного вливания инвестиций и поступления в регион прибыли от добычи природных ресурсов; неразвитой промышленной базой; отсутствием налаженной транспортной системы и т.д.

Тем не менее они зачастую представляются как намеренная политика китайских властей на истощение природных ресурсов региона; ухудшение там экологической обстановки и на развитие за счет СУАР других районов Китая. Однако именно повышение уровня жизни неханьского населения, сокращение региональных диспропорций представляются властями основой успешного проведения национальной политики и устранения межнациональных противоречий [5]. Выравнивание уровня жизни, подведение под общегосударственные стандарты социально-экономических сторон жизни неханьских народов Синьцзяна являются гораздо более практичными и перспективными способами снижения градуса межэтнических противоречий. Такие шаги, по сути, лишают радикалов социальной базы (сытый и обеспеченный работой человек с большой долей вероятности не склонен к поддержке протестных настроений). Поэтому осуществляемая уже более 10 лет программа «Большого освоения Запада» уделяет большое внимание не просто выведению СУАР на средний уровень по стране. Основная цель – формирование условий для дальнейшего развития своими силами, рост благосостояния населения, развитие инфраструктуры и т.д. [7].

В-третьих, это несовершенство «районной национальной автономии». Данная концепция с 1952 г. является основой осуществления национальной политики в стране и предусматривает создание самоуправления при участии «национальных кадров», определенную автономию для национальных районов при общем руководстве Пекина. Однако к XXI в. модель автономии национальных районов стала фактически весьма ограниченной. В основном самостоятельность предоставлена лишь в определенных, нетипичных для традиционного понимания автономии сферах, как культура или периферийные, незначительные элемен-

ты политической, экономической деятельности. Одновременно политическое и экономическое руководство целиком осуществляется из Пекина. То есть формально автономия закреплена законодательно и декларируется предоставление всех необходимых атрибутов автономии для СУАР [8]. Однако на практике автономия фактически незначительна или, скорее, отсутствует. Соответственно, данное обстоятельство является причиной недовольства уйгуров и подпитывает стремления к сепаратизму. Надо сказать, что идея создания независимого исламского государства привлекает и другие народы Синьцзяна и соседних государств. Вместе с тем сепаратизм уйгуров подкреплен вполне реальными примерами существования уйгурской государственности. Подразумеваются хотя и сравнительно неудачные и недолговечные в исторической перспективе, но независимые государства – Первая, Вторая Восточно-Туркестанские республики (1930–1940-е гг.) и уйгурское государство Йеттишар (1860–1870-е гг.).

Конец XX – начало XXI в. ознаменовались проникновением и усилением позиций радикального ислама в СУАР, до этого весьма нехарактерного для региона. На рубеже веков там насчитывалось 88 религиозных организаций, из них исламских ассоциаций – 79; 24 тыс. мест отправления религиозной деятельности, из них мусульманских мечетей – 23 тыс.; религиозных преподавателей и служащих – 20 тыс. чел. [9]. Через так называемый Афганский коридор из охваченного войной Афганистана в 1980-е гг. в Синьцзян проникли первые радикальные проповедники, начался массированный экспорт террористических идей из-за рубежа. Можно сказать, что именно с этого момента краеугольным камнем религиозной сферы в СУАР стала постепенная замена традиционного ислама его радикальными течениями. Этот феномен можно объяснить тем, что радикальный ислам успешно соединил в себе религию и политику, традиционную и неотъемлемую сферу жизни уйгуров, с одной стороны, и мощную, радикальную политическую доктрину создания независимого исламского государства – с другой. Роль радикального ислама стала заметной в антикитайской риторике уйгурского сопротивления и на фоне крупных выступлений уйгуров против властей в 1990, 1997, 2008–2009 гг., проходивших, в том числе, под лозунгами борьбы с «неверными». Это повлекло ужесточение государственного контроля над религией, что представляется одной из оправданных мер по удержанию контроля над ситуацией в СУАР. Однако в случае уйгуров и других мусульманских народов региона, жизнь которых в значительной степени связана с религией, любое вмешательство властей в сферу религии вызывает недовольство, ведь страдает и традиционный ислам, сохраняющий, несмотря на распространение радикальных учений, свои позиции. Тем не менее в основе современной религиозной политики, проводимой китайскими властями, лежит принцип свободы вероисповедания. Согласно этому принципу гражданин имеет право свободного вероисповедания, а также не исповедовать никакой религии (ст. 36 Конституции КНР) [10]. Однако наря-

ду с политикой свободного вероисповедания существует также принцип разделения политики и религии (религиозные организации не должны делить с государством власть). Так же как и запрет на вмешательство религии в административные и законодательные дела государства, в образовательный процесс учебных заведений и социальное воспитание и даже в процессы брака и деторождения.

Такая тенденция уйгурского этнического национализма, как организованность – появление в массе, до этого разрозненного и стихийного, уйгурского сопротивления организаций различного толка, с начала 1990-х гг. стала проявляться все больше. Во многом именно организованность стала важным фактором, также подстегнувшим всплеск уйгурского этнического национализма и сепаратизма. Монополизация такими организациями противостояния с официальными властями и обретение ими роли единственных носителей и выразителей теории и практики уйгурского этнического национализма заметно увеличили их конкурентноспособность и влияние. Кроме того, свою роль играют достаточно разветвленная и централизованная структура практически каждой организации; значительная финансовая и идеологическая поддержка, в том числе и из-за рубежа. Несмотря на это, сопротивление властям не составляет единой структуры. Кроме всего прочего, это связано и с существующими различиями между организациями, его составляющими. В основном это различные подходы к борьбе с официальными властями (от ненасильственного сопротивления, пропагандистской, правозащитной деятельности до терроризма). Плюс границу между организациями можно провести и по степени влияния религии на их деятельность. То есть в СУАР существуют и преимущественно светская оппозиция, властям, и приверженцы религиозного экстремизма. Также весьма четко разделяются международные и собственно уйгурские организации.

Светская, умеренная оппозиция китайским властям все же значительна, несмотря на возрастающую популярность экстремистских идей. Наиболее известными уйгурскими национальными организациями являются Всемирный уйгурский конгресс (ВУК), Международное движение «Восточный Туркестан», Организация за освобождение Восточного Туркестана и Организация за освобождение уйгур [11]. Деятельность данных организаций сводится к правозащитной работе и активной пропаганде, сотрудничеству с другими диссидентами и мировыми правозащитными организациями. Однако в самом Китае они признаны террористическими, хотя носят преимущественно светский характер и пользуются как негласной, так и явной поддержкой третьих сил в лице части государств Северной Америки и Западной Европы. К слову, данные движения давно создали там себе имидж «борцов за демократию и национальное самоопределение», как аналогичное по своей сути «Тибетское правительство в изгнании» и пр. Однако заинтересованность некоторых государств Северной Америки и Западной Европы в поддержке данных движений может быть объяснена не только с позиций поощрения

демократических устремлений угнетаемых народов. Это и удобный инструмент воздействия на ситуацию в СУАР, а через это и на КНР в целом, особенно удачно работающий в контексте разыгрывания «национальной карты» и полезный на фоне геополитического и экономического соперничества, например, США с КНР для внутреннего ослабления последней.

С ростом определенных тенденций к расширению влияния радикального ислама в XXI в., радикальное крыло уйгурского сопротивления стремительно выходит на первый план борьбы с китайскими властями. Такие движения, как Исламское движение «Восточный Туркестан», Исламская партия «Восточный Туркестан», Восточнотуркестанская Исламская партия Аллаха, Исламская реформистская партия «Ударная бригада» и «Исламские священные воины», имеют четкую радикальную религиозную направленность [11]. Основным методом их деятельности является активная террористическая деятельность. Международный терроризм также проявляет интерес к ситуации в СУАР, фактически выступая на стороне уйгурских радикалов. Известно, что такие организации, как Аль-Кайеда, «Исламская партия освобождения» (Хизб ут-Тахрир аль-Ислами), «Талибан» и Исламское государство (ИГ), располагают сетью своих филиалов в регионе. Наравне с собственно уйгурскими организациями они эксплуатируют национальные чувства уйгуров и других мусульманских народов региона, а также религию. Например, в последнее время идеологи из ИГ не обходят вниманием ситуацию в СУАР, активно призывая к борьбе за освобождение угнетаемых китайскими властями народов «Восточного Туркестана». Не секрет, что Синьцзян давно включается ими в сферу своих интересов как часть будущего «Всемирного халифата» [12].

Всплеск уйгурского этнического национализма, возрождение к жизни идей сепаратизма на рубеже XX–XXI вв. не только в очередной раз указали на «тради-

ционные» конфликтогенные факторы в СУАР, лежащие в основе уйгурского этнического национализма и сепаратизма. На сегодняшний момент произошла существенная трансформация их теоретической и практической сторон, на первые позиции стали выходить организованные религиозный экстремизм и террористическая деятельность. В сущности, это обострение «старых» противоречий, помноженных на успешно дополнившие их «нетрадиционные» факторы. А жизнеспособный синтез этих факторов сегодня означает постоянно растущую опасность потери или ослабления контроля над регионом со стороны китайских властей. Идеи сепаратизма, вновь ставшие достаточно популярными в широких слоях уйгурского общества, достаточно живучи сами по себе и имеют под собой значительную финансовую и идеологическую базу, подкрепленную реальной борьбой за их претворение в жизнь. Не говоря уже о том, что они пользуются поддержкой части других мусульманских народов не только в СУАР КНР, но и в соседних странах Центрально-Азиатского региона, что является дополнительным дестабилизирующим фактором. Однако они вновь заявили о себе не на пустом месте. Свою роль в этом процессе, в значительной степени, сыграла нерешенность «старых» вопросов, бывших катализатором межэтнической напряженности достаточно длительное время и остающихся таковыми в долгосрочной перспективе.

Учитывая, насколько мощными в плане пропаганды, финансовой обеспеченности и боевой деятельности стали структуры уйгурских националистов; распространенность идей сепаратизма, особенно в органичной связке с радикальным исламом, что стало тенденцией в наше время; нерешенности старых противоречий между ханьцами и уйгурами, китайским властям в обозримой перспективе не удастся усмирить мятежный регион. Ни одна из сторон не готова идти на компромисс, к тому же отсутствуют политические, социально-экономические, законодательные и иные необходимые для этого условия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнов Н. Проблема уйгурского национального движения в векторе отношений КНР с центральноазиатскими странами // Тюркист. Независимое издание. URL: <http://www.turkist.org/2011/06/nikolai-huseinov-uygur-east-turkestan.html>, свободный (дата обращения: 16.01.2016).
2. China Statistical Yearbook 2013. Compiled by National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2013/indexeh.htm>, свободный (дата обращения: 20.01.2016).
3. Кречетова В.С. Национальный аспект демографической проблемы в КНР // Ойкумена. 2007. № 3 (4). С. 46–55.
4. Кауменов А. СУАР сегодня: основные тенденции в развитии региона // Время Востока. URL: <http://www.easttime.ru/analytic/1/8/696.html>, свободный (дата обращения: 23.01.2016).
5. Ху Цзиньтао. Гаоду чжунши цези цзохао шаошу миньцзу ганьбу дэ пэijan сяньба гуанцзо (Уделять особое внимание работе по подготовке и подбору кадров из национальных меньшинств) // Миньцзу туанцзе. 1993. № 9. С. 7–18.
6. Dillon M. Xinjiang – China's muslim far northwest. Routledge Curzon. London ; New York : Taylor & Francis Group, 2004. 201 p.
7. Ставров И.В. Национальная политика в системе модернизации Китая (1978–2002 гг.) // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 94–104.
8. Национальная районная автономия в Китае. Все о Китае из первых рук. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/166260.htm> (дата обращения: 15.02.2016).
9. Бондаренко А.В. Современная национальная и религиозная политика в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // Россия и АТР. 2007. № 3. С. 105–109.
10. Текст Конституции КНР 1982 г. с изменениями 1988, 1993, 1999, 2004 гг. Законодательство Китая. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution, свободный (дата обращения: 28.02.2016).
11. Бондаренко А.В. Международные аспекты борьбы против «трех зол» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-2. С. 23–27.
12. «Исламское государство» дотянулось до КНР // Уйгур Халки. Уйгурский информационный портал. URL: <http://uyghurhalki.com/islamckoe-gosudarctvo-dotyanulo-do-knr/> (дата обращения: 18.01.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 7 июня 2016 г.

ON THE REASONS OF THE UYGHUR NATIONALISM AND SEPARATISM OUTBREAK IN THE XUAR OF THE PRC IN THE LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 412, 98–102.

DOI: 10.17223/15617793/412/16

Vasily S. Novichkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ritter_lohengrin@mail.ru

Keywords: Uyghur nationalism; separatism; XUAR; religious extremism.

This article considers some reasons of the exacerbation of the situation in the Xinjiang-Uyghur Autonomous Region of the PRC (XUAR) at the end of the 20th and at beginning of the 21st centuries. The permanent conflict between the Uyghur people on the one side and the Han people along with the Chinese authorities on the other side had been a serious problem of Xinjiang for a long time. The Chinese authorities consider Uyghur ethnic nationalism and long-standing desires of creating an independent Islamic state of East Turkestan as the underlying factors of both destabilization of the situation in XUAR and repeated escalation of the conflict. However, the real reasons of Uyghur nationalism and separatism outbreak in XUAR during the observed period obviously lie in another realm, as well as the reasons of Uyghur ethnic nationalism and separatism emergence. According to the author, the contemporary round of the conflict between the Uyghur people and the Han people is determined by two circumstances. Firstly, some old contradictions between these two nations are still not eliminated. Mostly, they are nothing but consequences of fails or just an intentional and consecutive governmental policy towards XUAR, which make the Uyghur people upset and cause other problems, e.g., massive and, at the same time, growing migration of the Han people to Xinjiang; irrational, sometimes insufficient or redundant, control over the social-economic and religious spheres, etc. Secondly, at that time some new factors appeared, historically non-conventional to the conflict, like organized and politicized Uyghur ethnic nationalism along with religious extremism and terrorism as primary methods to fight for independence. The author thinks that a kind of synthesis between the old and the new factors occurred at the end of the 20th and at the beginning of the 21st centuries, which resulted in a group of fundamental features of the contemporary conflict between the two nations in XUAR. For example, a large part of Uyghur ethnic nationalism turned into the radical Islamist one. Moreover, there appeared strong Uyghur organizations, both secular and Islamist terrorist ones. These organizations politically and ideologically formed contemporary Uyghur ethnic nationalism and now lead the Uyghur resistance. Radical Islam also gained a large influence on Uyghur ethnic nationalism, so that now their struggle against China is the same as “jihad”. Actually it is “jihad” against the “infidel”, which attracts international terrorist organizations to Xinjiang. Thus, the author concludes that there was just another escalation of the old contradictions at that time. However, emergence of some new factors significantly transformed Uyghur ethnic nationalism. Obviously, it made the situation harder.

REFERENCES

1. Guseynov, N. (2011) Problema uygurskogo natsional'nogo dvizheniya v vektore otnosheniy KNR s tsentral'noaziatskimi stranami [The problem of the Uyghur ethnic movement in the focus of relations between the PRC and Central-Asian states]. *Tyurkist*. [Online] Available from: <http://www.turkist.org/2011/06/nikolai-huseinov-uygur-east-turkestan.html>. (Accessed: 16th January 2016).
2. National Bureau of Statistics of China. (2013) *China Statistical Yearbook 2013*. [Online] Available from: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2013/indexeh.htm>. (Accessed: 20th January 2016).
3. Krechetova, V.S. (2007) Natsional'nyy aspekt demograficheskoy problemy v KNR [The ethnic aspect of the demographic problem in the PRC]. *Oykumena*. 3 (4). pp. 46–55.
4. Kaukenov, A. (2009) SUAR segodnya: osnovnye tendentsii v razvitiy regiona [XUAR today: the main trends of regional development]. *Vremya Vostoka*. [Online] Available from: <http://www.easttime.ru/analitic/1/8/696.html>. (Accessed: 23rd January 2016).
5. Hu Jintao. (1993) More attention to human resource development and selection of cadres among ethnic minorities. *Mingzu tuanze*. 9. pp. 7–18. (In Chinese).
6. Xinjiang, D.M. (2004) *China's muslim far northwest*. London; New York: Taylor & Francis Group.
7. Stavrov, I.V. (2006) Natsional'naya politika v sisteme modernizatsii Kitaya (1978–2002 gg.) [Ethnic policy in the system of modernization of China (1978–2002)]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 4. pp. 94–104.
8. China.org.cn. (2005) *Natsional'naya rayonnaya avtonomiya v Kitae* [Ethnic autonomy in China]. [Online] Available from: <http://russian.china.org.cn/russian/166260.htm>. (Accessed: 15th February 2016).
9. Bondarenko, A.V. (2007) Sovremennaya natsional'naya i religioznaya politika v Sin'tsyzan-Uygurskom avtonomnom rayone [Contemporary ethnic and religious policy in the Xinjiang-Uyghur Autonomous Region]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 3. pp. 105–109.
10. Chinalawinfo.ru. (c. 2005) *Tekst Konstitutsii KNR 1982 g. s izmeneniyami 1988, 1993, 1999, 2004 gg.* [The Constitution of the PRC with amendments of 1988, 1993, 1999, 2004]. [Online] Available from: http://chinalawinfo.ru/constit-tional_law/constitution. (Accessed: 28th February 2016).
11. Bondarenko, A.V. (2007) Mezhdunarodnye aspekty bor'by protiv “trekh zol” v Sin'tsyzan-Uygurskom avtonomnom rayone KNR [The international aspects of struggle against the “Three evils” in the Xinjiang-Uyghur Autonomous Region]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – News of Altai State University*. 4-2. pp. 23–27.
12. Uygur Khalki. (2014) “Islamskoe gosudarstvo” dotyanulos' do KNR [The ISIS reached out the PRC]. [Online] Available from: <http://uyghurhalki.com/islamckoe-gosydarctvo-dotyanuloc-do-knr/>. (Accessed: 18th January 2016).

Received: 07 June 2016